

МЛОДОСТЬ — самая поэтическая и самая быстротечная пора жизни. Эмоциональные бури несут эта пора, дарит чистоту любви, соколиную зоркость, богатство ассоциаций. Сложности пути еще не пугают молодых, они несут в себе дух победителей, и маршальские жезлы позванивают в дорожных рюкзаках.

Все преимущества молодости надлежит реализовать творчески. Высота и чистота помыслов, патриотическая взволнованность, доверчивость молодой души — все должно перейти уже в первые книги, в творческие дебюты поэтов, новеллистов, романистов, драматургов, литературных критиков.

В искусстве, как и вообще в природе, действует закон, который можно было бы назвать законом пульсации, он универсален, он и совершенно прост, ведь к пульсации материи, к цикличности жизни, возможно, сводится все. Пульсирует солнце, пульсируют галактики, и как бы в унисон им пульсирует крохотное сердце соловья, меньшего брата всех поэтов. Мир пребывает в динамике, все самое человеческое в человеке проявляет себя через творчество. Вслушиваясь в могучие трудовые ритмы народной жизни, мы ощущаем сегодня также и наполненность пульса нашей литературы. После отливов снова приходят приливы — молодые, обнадеживающие. Ныне мы являемся свидетелями именно такого отрадного явления, когда море народное весьма щедро, если перефразировать знаменитые строчки Павла Тычины, «выплескивает» нам свежие силы талантов — и в поэзии, традиционно сильном у нас жанре, но, быть может, еще больше — в художественной прозе. Как и многих из старшего поколения писателей, меня по-настоящему радует эта волна сегодняшних наших прозаиков, радует еще и потому, что речь идет о флагманском, ведущем жанре литературы, — прошу поэтов не обижаться, тем более что из поэтического цеха, как известно, нередко выходят потом первоклассные романисты.

Молодость увлекается. Вполне вероятно, что кое-кто из молодых попадет под завораживающее влияние каких-то художественных образцов, тех или иных стилистических течений или индивидуальных творческих манер, и ничего страшного, если кто-то и переживает полосу таких увлечений, важно только, чтобы все это не заслонило главного, собственно, самого главного: сознания того, что они призваны работать для своего народа как его сыны и дочери, что им надлежит продолжать в литературе Пушкина и Шевченко, Гоголя и Франко, Чехова и Лесю Украинку и что будут они своим творчеством отстаивать честь писателя наших дней, приумножать достижения великой, социалистической многонациональной литературы, значение которой столь огромно в духовной жизни нашего общества, в современном художественном развитии человечества.

Творчество должно каждым художником пониматься как миссия, как призвание, как постоянное участие в борьбе за утверждение высших гуманистических идеалов — так было и так, очевидно, всегда будет, пока существует искусство.

Активная гражданственность является отличительной чертой нашей классической литературы. Толстовское благородное «не могу молчать» на протяжении многих лет было как бы творческим девизом и русской, и украинской интеллигенции. А уже в наши времена — не из гражданской ли страстности рождались романы Леонова и кинопоэмы Довженко, не апофеозом ли гражданского чувства становились такие художественные шедевры, как «Я емь народ...» Тычины или «Слово о Матери-родине» Рыльского, или огненная, темпераментная лирика наших поэтов-фронтовиков? Коль скоро из обывателя, того, кто хотел бы остаться в стороне от потока жизни, не выходило пугающего писателя даже в прошлом, то что уж говорить о нашем остром, драматическом напряженном времени.

Художником человек становится, очевидно, тогда, когда почувствует непреодолимую внутреннюю потребность сопереживать, действовать, жить именно тем, чем живет твой народ, чем сегодня живут все люди земли. Ты полон чувства полноправности, но также и ответственности за всех и за все — это читатель должен неизбежно почувствовать по первым же публикациям. Доверие народа к писательскому слову для всех нас большая честь, и этим мы обязаны дорожить всечасно. Достойное возмечивать, позорное развенчивать! Если человек труда, народный герой предстает в слове прекрасном, вызывая читательское воодушевление, эмоциональный поды-

ем, то это победа литературы, для типов же антиобщественных следует находить слова гнева и презрения, под огнем писательским должны оказаться хам, карьерист, хапуга, демагог и проходимец — все те, кому, кстати, чаще достается от наших талантливых сатириков.

Конечно, тон в литературе задает емкий, глубоко разработанный положительный герой. В большинстве случаев писатель, на мой взгляд, и начинается со способности через своего героя постичь сам дух эпохи, с умения отразить существо ее через живые, полнокровные, типизированные характеры современников. Здоровая народная традиция, опыт предшественников, который должны развивать, а то и превзойти нынешние молодые, — тоже органически входят в нашу повседневную творческую жизнь.

Мы поймем молодецкую запальчивость (пусть она иногда и не без того, чтобы наперекор традиции ошеломить нас своей сверхоригинальностью), примем любую смелость, если это настоящее художественное новаторство, возвращенное на народную почву, — против этого кто же станет возражать? Пробуй, дерзай, но не самоослепляйся, не превращайся в словесного

Язык — это все глубинные пласты духовной жизни народа, его историческая память, самое ценное достояние веков, язык — это еще и музыка, мелодика, краски бытия, современная художественная, интеллектуальная и мыслительная деятельность народа.

...А еще — о «читабельности» наших произведений. Каждому ясно: необходимо искать контакты с широким кругом читателей. Пишем ведь не для журнального рецензента, пишем для миллионов. И если в книжном магазине покрываются пылью книги, даже написанные и талантливой рукой, — это должно насторожить нас. Почему? В чем причина? Пожалуй, менее всего тут виноват читатель, ибо с какой стати гоняться ему за книгой, в которой автор заводит нас в тину давно стертого материала, обмельченных чувств, если из богатейшей гаммы цветов жизни использует только один — серый... Нет, привлечь читателя сможет, скорее, та книга, где он найдет глубину и реальность проблем, где автор создаст полнокровные народные характеры, передаст во всех тонкостях психологию, мысли и чувства современного человека, в частности молодого. Читателя, видимо, превыше все-

СЛОВО К МОЛОДОСТИ

ИЩИТЕ,
ПРОБУЙТЕ,
ДЕРЗАЙТЕ

Олесь ГОНЧАР

жонглера. Искусство знало полосы деградации, но много ли они дали, все эти шумные, модернистские буйства? Куда более плодотворным оказывался путь органического продолжения и развития реалистического искусства, путь, идущий в глубины жизни и не отрицающий все достигнутое прежде, а естественно обогащающий его новой образностью, новыми формами. Жизнь показывает, что именно на этом пути чаще всего художника ждут открытия.

Semper tiro, вечный ученик — это, очевидно, должно стать для каждого из нас правилом творческой жизни.

Для художника глубоких идейных убеждений, для того, кто осознает свой сыновний долг перед народом, мне кажется, никакие веяния моды не страшны, ведь они поражают преимущественно людей поверхностных. Сейчас, скажем, немало идет разговоров о склонности некоторых наших авторов к разным литературным «химмерностям», увлечению фольклорной образностью, пожалуй, этого тоже бояться нет оснований, если, разумеется, речь идет не о литературном «штукатурстве», не о слепом подражании латиноамериканской прозе, которая вырастает на своей собственной почве и для которой национальная ее поэтика является вполне естественной. Художественная условность, фольклорная фантастика оправдывают себя там, где идут истинно творческие поиски, поиски еще более выразительных, еще более ярких способов отображения действительности. Но высочайшей вершиной отечественная и мировая литература достигла все же на путях реализма, и мы с вами тоже прежде всего реалисты, хотя и осознаем, что реализма застывшего, окаменевшего нет, что искусство реализма, в частности социалистического, постоянно развивается, видоизменяется, обновляется, черпая богатую образность из океана жизни, прибегая при необходимости и к элементам фантастики и гротеска, обращаясь также к фольклорным, мифологическим и многим иным источникам.

Хотелось бы подчеркнуть значение языка. Ведь для писателя, да и не только для писателя, язык — это не просто способ общения, а нечто куда более значимое.

го влечет правдивость произведения, продиктованная чувством и совестью художника. Самый горячий порыв, самая раскованная образность будут уместны, если за теми или иными поэтическими трансформациями читатель почувствует правду жизни. Ведь более всего ищет он в произведении достоверность, то, что волнует его душу, будоражит и активизирует мысль. Мы ищем в книгах голос времени, истинный ток жизни, не выдумку, а черныи хлеб правды. Как стать «читабельным» — это каждый должен решать по своему. Для того, чтобы тебя читали, прежде всего, очевидно, нужно иметь душу любящую, открытую, способную увлечься, гордиться, сопереживать — глубоко и искренне. Ну и, разумеется, форма, стилистика и музыкальность произведения, яркость его характеров, языковое богатство, композиционная стройность. Джайс якобы считал бесфабульность художественной нормой, надеялся найти в бесфабульности даже некий новый тип эстетики, однако, думается, что это было ошибочное представление. Ведь в искусстве есть вещи обязательные, вечные, как и сам закон гармонии или золотых пропорций. Античные люди знали это, хотя в смелости поисков, в высоком артистизме и раскованности их художникам не откажешь.

Взаимоотношения младших литераторов со старшими — дело весьма сложное, деликатное. И если от старших требуются прежде всего внимательность, такт, доброжелательность, то разве не того же следует ждать и от молодых? К тому же помня, что и сегодняшний молодой со временем поседет, что когда-нибудь и он увидит вокруг себя «племя младе, незнакомое». Всех нас должны объединять взаимопонимание, чувство коллективизма, сознание общности свершаемой работы. Остатки, эмоциональная глухота, утрата ощущения чьей-то боли никого не укрывают, а тем паче писателя — равно старшего или молодого. Куда лучше воспитать в душах своих отвращение к жестокости, великодушие — если же от роду кому-то оно не дано, давайте культивировать его сознательно, а все негодное, по мудрому совету Чехова, выдавливать из себя по капле.

Творчество наших молодых в общем отмечено зрелостью, ширится диапазон художественных пристрастий. В нашей молодой многонациональной прозе, скажем, наряду со знатоками села появились и талантливые урбанисты, радует также и то, что творческая молодежь не торопится поддаться искушению ранней профессионализации, дорожит своей непосредственной причастностью к трудовым коллективам.

Мы стремимся к дружбе и единению с писателями всех стран, ищем международных контактов, однако это вовсе не означает, что ради этого мы будем посягать своими идейными принципами, духовными ценностями нашего народа, — жизнь такова, что где угодно, в любой ситуации, и старшему, и молодому писателю приходится помнить, кто есть кто, понимать, что истинным другом моего творчества может быть только друг моего народа, друг моей Советской социалистической Отчизны.

Года за два до войны выпало и мне быть участником совещания молодых писателей. Из разных городов и сел республике съехались тогда в Киев молодые чубатые парни, полные творческих замыслов, меня пригласили из Харькова, из университета, и было нас, участников совещания, несколько десятков, а осталось ныне... двое или трое. Потому что была война. Потому что никто и никогда не подсчитает, сколько талантливых, а то и гениальных людей осталось на полях битв в одиночных окопах или в братских могилах.

Сегодняшняя молодежь вступает в литературу под зарей мира. Пусть же это наполнит ее благодарностью к тем, кто отвоевал нам эти мирные десятилетия, пусть душа каждого проникнется желанием полноценно, с максимальной отдачей трудиться во имя расцвета нашей великой многоязычной Страны Советов, во имя дружбы и мира для всех народов планеты.

В основу статьи положены выступления на совещании молодых литераторов Украины.